

ГРИБОЕДОВ И ЕГО КОМЕДИИ

С. ДУРЫЛИН

Литературная судьба Грибоедова не соединена, а спаяна с его комедией. Исчезни из наследия Гоголя «Ревизор», — останутся «Мертвые души» и петербургские повести, останется Гоголь; исчезни из наследия Пушкина «Борис Годунов», — останутся маленькие трагедии, останется Пушкин-драматург; исчезни из литературного наследия Грибоедова «Горе от ума», — останется замечательный дипломат, образованнейший человек своей эпохи, но лишь талантливый дилетант в театре, как в музыке; с «Горем от ума» он — великий писатель, стоящий рядом с Пушкиным и Гоголем, Мольером и Бомарше.

«Грибоедов сделал свое. Он написал «Горе от ума», — сказал Пушкин, потрясенный внезапной и страшной смертью Грибоедова в Тегеране в январе 1829 года.

Как всегда, Пушкин предельно ясен и неопровержимо точен: написав «Горе от ума», Грибоедов не просто сочинил превосходную комедию, которая будет играть на сцене, пока будут существовать актеры, играющие на русском языке, — написав «Горе от ума», Грибоедов «сделал свое» дело жизни так же успешно, так же прочно, как «сделал свое» дело Островский, написав 48 оригинальных пьес, создав целый театр.

Давно уже сравнивали одинокое «Горе от ума» с другими одинокими произведениями мировой литературы — с «Дон-Кихотом» Сервантеса, с «Робинзоном Крузо» Дефо. (Авторы этих произведений, подобно Грибоедову, писали немало, но в мировой круг «вечной» литературы они вошли только с этими одинокими своими произведениями).

К одинокому созданию Грибоедова применимы слова поэта:

Но муза правду соблюдая,
Глядит, а на века у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

И не только тяжелой, но драгоценной, но долговечной. С этой «небольшой книжкой» Грибоедов навсегда вошел в пантеон мировой поэзии. И его родная страна, его родной народ могут с гордостью сказать всем народам и векам, указывая на эту «небольшую книжку»:

Вот наш папент ба благородство:
Его вручает нам поэт.
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

Да, в комедии Грибоедова русская поэзия явила несомненный, благоуханный «жизни цвет»: в ней было раз навсегда покончено с условным традиционализмом былых комедийных форм, с упорным втискиванием образов живых людей в традиционные формы «ролей» и «амплуа», в ней было покончено с условностью театральной декламации, фальшиво подменявшей живую речь, с торжественным напевом александрийского стиха, заглушавшим своей величавой мерностью живые голоса жизни. На читателя и зрителя, на актера и драматурга раз навсегда повеяло от «Горя от ума» чудесным запахом жизни. Великую комедию не надо ничем подновлять, не требуется никакого освежения ее красок, никакого усиления ее жизненного звучания. Она — вот уже 120 лет — живет своей неувядающей жизнью.

Но слова поэта указывают еще на одно качество «книжки небольшой»:

Здесь духа мощного господство.

Своей комедии Грибоедов отдал около десяти лет жизни, примерно, столько же, сколько Лермонтов — «Демону», Гоголь — «Мертвым душам», и вложил в нее всю силу своего таланта, всю остроту своей мысли, всю прекрасную страстность своей души.

В комедии Грибоедова не только видно с солнечной ясностью все, что он видел с исключительной зоркостью и остротой взгляда, — в великой комедии ясно слышно все, что ее автор думал о русской жизни, о ее горечи и скорби, все, что он чувствовал, вникая в судьбы родного народа, томившегося в крепостной неволе.

Есть много замечательных произведений драматургического искусства, в которых как бы отсутствует их автор: он представляет своих действующих лиц их собственной судьбе, логике их собственного поведения. Таков Островский в лучшей своей комедии «Свои люди — сочтемся», таков Писемский в лучшей своей драме «Горькая судьбина». И, наоборот, есть замечательные драматические произведения, в которых автор вводит себя в число действующих лиц, под гримом того или другого персонажа проповедует свои идеи, раскрывает свои мысли о настоящем, излагает свои домыслы о будущем. В великольном «Недоросле» благородная личность автора тронута между Стародумом, Правдиным и Милоном: из уст того, другого и третьего слышится то самое, что исходит из мысли и чувства самого Фон-визина.

В комедии Грибоедова автор нигде не является суфлером для своих действующих лиц. Но и нет ни одной минуты действия, когда бы не чувствовалось живое присутствие автора в мощном драматическом действе его пьесы, то комическом, то лирическом, то трагическом и всегда насквозь реальном и неизменно правдивом. Чацкий вовсе не есть двойник Грибоедо-

ва. Чем глубже идет изучение жизненной и творческой личности автора «Горе от ума», чем пристальнее всматриваемся мы в образ Чацкого, тем несомненной убеждаемся в том, что Грибоедов — не Чацкий и что Чацкому никогда бы не написать «Горе от ума» и не бывать бы, ни при



Автозариловка А. П. Ленского в роли Фамусова.

Из грибоедовского тома «Литературного наследства»

каких условиях, русским дипломатом на Востоке.

И в то же время, в исторической плоти Чацкого, не нарушая его жизненной действительности, живет «мощный дух» самого Грибоедова.

Твой образ был на нем означен.
Он духом создан был твоим.
Как ты, могуч, глубок и мрачен.
Как ты, ничем неукротим.

Этими словами Пушкина, написанными в 1824 году, можно охарактеризовать соотношение Грибоедова и Чацкого в гениальной комедии.

Чацкий — не Грибоедов; но «образ» Грибоедова, с его пламенной душой, с его скептическим умом, с его независимой волей, с его сердцем, умеющим ненавидеть не меньше, чем любить, «означен» на этом московском юноше начала 1820-х годов, но «дух» Грибоедова, свободный, неукротимый, живет в этом молодом человеке, поднимающем против себя вихрь вражды и злобы в обществе Скалозубов и Молчалиных.

Историки приходят к заключению, что Грибоедов как личность, как ум и характер, как гражданин и мыслитель является одним из самых замечательных, — если не самым замечательным, — представителем поколения декабристов, воспитанного героической эпохой Отечественной войны. Пушкин признавал в Грибоедове «способности человека государственного». С равным правом можно говорить о философском уме Грибоедова, о его блестящей способности к историческому мышлению. Это был человек с собственной философией истории со своими заветными думами о путях родного народа в истории и в современности.

Юноша Чацкий, — как молодой Грибоедов, — был наделен такой зрелостью ума, такими бесспорными признаками «способ-

ностей человека государственного», что для него, для юноши, уже была возможна «связь с министрами», и для него же, — как для всего его поколения декабристов, — оказался неизбежен «потом разрыв» с ними.

Этот внутренний «разрыв» чувствуется во всей государственно-дипломатической деятельности Грибоедова: он горячо защищает и блюдет интересы русского народа и родной страны, но он — непримиримый противник правительственной «скалозубовщины» Аракчеева и Николая I.

«Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов?»

Вот самочувствие Грибоедова в эпоху правительственной скалозубовщины и придворного молчалинства. И когда Грибоедов в том же письме 1826 года пишет: «Все таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез», — он, после крушения декабрьского восстания, продолжает те же политические выпады, которые, задолго до декабря, Чацкий вел против «Нестора негодяев знатных», против вельмож вроде дялюшки «Максима Петровича», против всех охранителей крепостничества и защитников самодержавного самоуправства.

Пушкин, прочтя «Горе от ума», написал будущему декабристу А. А. Бестужеву: «В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? Ответ: Грибоедов».

Это «умное действующее лицо» незримо, но оно действует то в речах Чацкого, то в его гражданском темпераменте, то в его волеустремлении политического борца. Это «умное действующее лицо» присутствует невидимо где-то подле Фамусова, Загорецкого и Скалозуба и как бы вызывает их на признания, в которых выявляется вся их реакционная сущность, вся вредоносность им подобных в истории их страны, в судьбах их народа. Когда Чацкий отзывается короткими репликами на пространные лжелиберальные словозлития Репетилова, чувствуется, что около них где-то стоит все то же «умное действующее лицо» и незримо для них обоих сочувствует скептическим репликам одного и саркастически внимает мнимо-либеральному дустословию другого.

«О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу», — предсказывал Пушкин в том же письме к Бестужеву. Предсказание сбылось. Половина, а может и быть и больше половины стихов «Горя от ума» вошло в пословицу. В русскую речь, в обиход русского народа, вместе с этими стихами, вошла острейшая политическая сатира Грибоедова на мракобесие Фамусовых, на подлое приспособленчество Молчалиных, на крутое солдафонство Скалозубов.

«Горе от ума» — не только превосходная комедия замечательного драматурга. Это — живая исповедь одного из лучших русских людей, посвятивших дело своей жизни счастью и свободе родного народа.

Если б не существовало никаких биографий Грибоедова, если б мы ничего не знали о его личности, мы узнали бы Грибоедова во всей полноте его благородной личности в его великой комедии. Образ мыслителя, поэта и патриота там «сквозит и тайно светит» всюду и постоянно.

Пушкин прав: «Грибоедов сделал свое» — он запечатлел себя в своей комедии для вечной горячей любви своего родного народа.

Грибоедовская Москва



Дом на площади Пушкина, принадлежавший М. И. Римской-Корсаковой, где часто бывал А. С. Грибоедов.

Зариловка с натуры А. РУДОВИЧ-КОРСАКОВОЙ.